

ЭТНИЧЕСКАЯ СЕГРЕГАЦИЯ В ПОЛИТИКЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА (КОНФЛИКТОГЕННЫЕ РЕГИОНЫ БАЛКАН)

Тривиально утверждение о том, что этническая сегрегация, т.е. предпочтение той или иной нации в политике трудоустройства, играет свою роль в любом межнациональном конфликте. Это касается не только отражения противоречий между сторонами конфликта на решениях работодателей о приеме на работу или сокращении штатов. Мирные соглашения нередко устанавливают этнический паритет в государственном аппарате, на госпредприятиях, среди студентов вузов и т.д. Однако такая компромиссная формула способна вызывать множество сомнений, поскольку при приеме на работу учитывается не хорошее резюме и способности кандидата, а необходимость соблюдения заранее установленных национальных квот. Иногда это провоцирует работников заявлять об иной этнической принадлежности. И, хотя смена идентичности в таком случае обычно носит декларативный, непродолжительный характер, бывают случаи полной национальной переориентации.

Покрытый очагами конфликтов Балканский полуостров представляет собой идеальное поле для поиска иллюстраций обозначенных тенденций. Отметим, однако, что сложность затронутых проблем делает практически невозможным их глубокий анализ, а потому текст следует воспринимать лишь как общее освещение проблематики.

Оставив в стороне споры об определении конфликта, мы предлагаем обратиться к теории его возникновения, принадлежащей польскому политологу С. Войцеховскому. Исследователь выделяет следующие его стадии: 1) нулевая, 2) неприязнь и враждебность, 3) первые споры, 4) рост напряжения, 5) отдельные инциденты, 6) открытое противостояние. При этом на каждой из них возможна резкая эскалация конфликта или возвращение на предыдущие стадии, за исключением нулевой¹. Другими словами ослабление конфликта может иметь только относительный характер, а для взаимной неприязни не остается альтернативы. Критики подхода доказывают, что времена и политика интеграции могут навсегда ликвидировать проявления враждебности.

Учитывая влияние межэтнического напряжения на решения работодателей и исходя из модели С. Войцеховского, можно говорить о непрерывной национальной сегрегации в регионах конфликтов. Неприязнь и следование стереотипам приводят к дисквалификации «других» как «потенциально опасных». Этому способствует и сопровождающая любое противостояние пропагандистско-идеологическая оболочка в форме ловкого создания мифологем, поиска затаившихся повсюду внутренних врагов или составления «патриотически» расширенных списков нанесенных обид. Мифотворцы привыкли «освещать» собственные ценности, полностью игнорируя мир «других»².

Типичным примером этого может служить ситуация накануне косовского конфликта. В 1980-х гг. постоянное упоминание единичных или же вообще выдуманных инцидентов в крае привело к появлению в сербском коллективном сознании убеждения в албанском терроризме, разоряющем национальную святыню³. Последствием распространения в массах представлений и коллективных страхов была дискриминационная политика трудоустройства в отношении мусульманских жителей Черногории и Санджака, которых вместе с албанцами и босняками называли «турками»⁴. Схема формирования коллективных общ-

ностей с опорой на мифико-символическую сферу использовалась всеми нациями, вновь определяющимися на руинах Югославии. Патриотическая мобилизация, понимаемая как очищение национального духа от «чуждого» налета, охватила «воюющие своры»⁵. Одним из ее направлений должна была стать дискриминация представителей других этнических групп в общественной жизни, в том числе в сфере трудоустройства. Необходимо помнить о югославском наследстве: многолетнем сосуществовании в рамках единого государства, миграциях и смешанных браках. Например, албанская выпечка считалась наилучшей, а потому представители этой нации держали кондитерские во всех крупных городах Югославии. Шовинистическая истерия в связи с «патриотическим» бойкотом «других» была нацелена не только на отдельную этническую группу, но и на непокорных индивидов, совершающих преступления «югоностальгии».

Тенденция не обошла стороной Косово, где сербские работодатели с неохотой нанимали «арнаутов» (албанцев), но здесь имела место и противоположная ситуация. Открытие албанского университета в Приштине (1969) и развитие среднего образования на национальном языке в 1970-х гг. привели к тому, что косовары перестали быть цивилизационно отсталыми исполнителями подручных работ и начали конкурировать с интеллектуально доминирующими сербами. При устройстве на работу на руку албанцам играл их билингвизм.

Рассматривая современную ситуацию в теперь уже независимом Косово, мы, возможно, имеем дело со второй стадией эволюции этнического конфликта, т.е. с развитием взаимной неприязни. Условия выглядят настолько неблагоприятными, что наложение на взаимную нетерпимость списка нанесенных обид способствует абсолютному обособлению двух наций. Тяжелое положение сосредоточенных в закрытых анклавах сербов усугубляет незнание албанского языка. Убежденные в своем превосходстве над колонизирующими их святу землю потурченцами⁶, подталкиваемые представителями патриархата к борьбе за национальное святилище, сербы и слышать не хотят об изучении албанского языка, что является естественной преградой для их трудоустройства вне анклава. Прозабание в надежде на пособие из Белграда становится единственным выходом. Отдельные лица, идентифицирующие себя как граждане нового государства, решаются на сотрудничество с Приштиной, но сталкиваются с осуждением соотечественников и преследованием за предательство. Албанцы также относятся к ним холодно. Особой проблемой в крае остается дефицит элит как следствие массовой эмиграции на Запад в 1998–1999 гг., сопровождаемый постоянным оттоком образованных косоваров и невероятно высоким уровнем безработицы (около 60%).

Самое молодое государство в Европе дает идеальный пример экономики диаспоры, когда жизнь большинства семей зависит от поступления средств от родственников, работающих за границей. Усилия международного сообщества⁷, направленные на стимулирование экономического роста через приток иностранных инвестиций⁸, имеют минимальные эффекты. Главную роль в экономической жизни продолжают играть мелкие предприниматели, в лучшем случае трудоустраивающие членов своей семьи.

Похожие замечания можно сделать также относительно Боснии и Герцеговины. В этой стране трудности и расходы, связанные с получением словенского или хорватского паспортов, обеспечивающих безвизовый отъезд на Запад, непосредственно отражаются на структуре эмиграции. Страну покидают наиболее зажиточные и образованные группы населения. Нередкие случаи возвращения в восстанавливающуюся страну в определенной степени способствуют пополнению боснийской элиты все еще

представляющей собой конгломерат коммунистических аппаратчиков и нуворишей, сколотивших капиталы на военном промысле, торговле живым товаром и оружием. Серьезный дефицит образованных граждан является одним из основных препятствий для иностранных инвестиций, как и вездесущая коррупция⁹. Высокий уровень безработицы вынуждает наиболее образованных и способных молодых людей эмигрировать¹⁰.

Внимания заслуживает действующая в БиГ еще со времен Тито политика сохранения этнического паритета в трудоустройстве. Она представляет собой насколько интересную, настолько и неудачную попытку управления движением кадров сверху. Национальная структура трудового коллектива того или иного предприятия должна была отражать локальные пропорции. Полиэтничная Босния служила символом югославской многонациональности, живым примером «братства и единства», пропагандируемого властями. «Югославия в миниатюре» («Jugoslavija u malom»), как повсюду называли республику, воплощала «равновесие» – урегулированный доступ к общественной сфере. «В повседневной жизни национальность не играла никакой роли. С нею считались только тогда, когда подыскивали новую работу или квартиру, поступали в вузы, думали выстроить карьеру или пойти в политику», – пишет занимающийся Балканами австрийский журналист¹¹.

Своеобразное решение могло показаться некоторым удачным предупреждением роста напряженности, однако в далекой перспективе ригористическое конструирование этнически правильного баланса обещало лишь рост взаимной неприязни. Легко себе представить разочарование высококвалифицированного представителя одной нации, проигравшего в борьбе за рабочее место неспособному конкуренту только потому, что другая нация недопредставлена на предприятии¹². Принятие на работу, повышение по службе и сокращение штатов должны были оставаться в согласии с железным принципом «ключа». Для достижения желанной цели безумную систему квот пробовали обойти, заявляя иную национальную принадлежность, например «югославскую». Высокий процент смешанных браков в полиэтничной республике требовал толерантного подхода к проблеме этнической принадлежности и естественным образом стимулировал изменение официально заявляемой самоидентификации. Непродолжительные, конъюнктурно привязанные трансформации самоопределения часто переходили в постоянную идентичность, особенно в случае рождения детей от межнациональных браков.

Принцип этнического паритета в своей крайней форме вызывает вопросы о целесообразности такого типа решений на современном этапе. Можно согласиться с тем, что эта компромиссная формула представляет собой проверенное средство урегулирования межэтнических споров. Однако стоит отличать применение принципа ключа на высшем уровне (например, в Ливане или Боснии) от курьезного подчинения всей публичной сферы утопической концепции «равновесия». Почти повсюду, где вводится система квот, возникает искушение ее обойти. В Косово под давлением международного сообщества осуществляется распределение мест в парламенте по этническому признаку, что соответствует поликультурному статусу новообразованного государства): 100 мест из 120 предназначено албанцам, 10 – сербам и 10 – представителям других народностей: 4 – ромам, 3 – боснякам, 2 – туркам и 1 – горанам. Парадоксально, что наиболее демократическое решение предполагает лавирование политиков между босняцким, турецким и горанским списками. Смену ориентации от выборов к выборам можно объяснять амбивалентной идентификацией с сообществами, которые нередко

не считают отдельными народами¹³. Однако принцип паритета в любом случае далек от совершенства. Тем временем архитекторы мирных договоров необычайно охотно апеллируют к компромиссному правилу «ключа» как средству предупреждения этнической дискриминации. Практическое функционирование приносится в жертву прагматическому расчету.

Перевод с польск. М.Ю. Ломоносова

¹ Wojciechowski S. Konflikt etniczny jako forma konfliktu społecznego // Sprawy narodowościowe. 2002. S. 20.

² Kłosińska K. Rola procesów nominacyjnych w tworzeniu opozycji «my»/«oni» w języku polityki po 1989 roku // Manipulacja w języku. Lublin, 2004. S. 116.

³ См., например: Džuda T. Srbi. Istorija, mit i razaranje Jugoslavije. Beograd, 2003. S. 136-137; Jović D. Jugoslavija – Država koja je odumrla. Ušpon kriza i pad Četvrte Jugoslavije. Beograd, 2003. S. 350-356; Pavlović B. Albanizacija Kosova i Metohije. Gračanica, 1996. S. 297-300.

⁴ Ср.: Dimitrova V. Bosniak or Muslim? Dilemma of one Nation with two Names // Southeast European Politics. 2001. №10. S. 98.

⁵ Термин взят из: Canetti E. Masa i Władza. Warszawa, 1996. S. 110.

⁶ См., например: Radovanović M. Politico-historical, civilizational and ethnodemographic indicators of deserbianization, islamization and albanization of Kosovo-Metohian old Serbia // Kosovo and Metohija. Arguments in favour of its future within Serbia. Beograd, 2006. S. 78-79.

⁷ Одной из попыток стимулирования экономического развития края было создание в Приштине Micro Enterprise Bank-а в 2000г. Его целью было предоставление населению кредитов на организацию предпринимательской деятельности. В то время это был единственный банк в Косово! // Kosovo Micro Enterprise Bank. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTEMPowerment/Resources/14830_Kosovo-web.pdf (дата обращения: 15.03.2009); Litz C. Die Kosovo – Kasse // Brand eins, 2001. №3.

⁸ См., например: URL: <http://www.eciks.org/english/publikime.php> (дата обращения: 15. 03. 2009).

⁹ Bliesemann de Guevara B. A Boost for the (Re-)Institutionalisation of the State or a Catalyst for the Establishment of Parallel Structures. URL: <http://www.kakanien.ac.at/beitr/theorie/BBliesemanndeGuevara2.pdf> (дата обращения: 15.03.2009). P. 3.

¹⁰ По официальным данным уровень безработицы составляет 45%: The World Factbook 2006. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bk.html> (дата обращения: 15.03.2009). Однако стоит учитывать повсеместно распространенную скрытую безработицу. Считается, что вне столиц без работы остается до 90% трудоспособного населения.

¹¹ Mappes-Niedeck N. Die Ethno-Falle. Der Balkan-Konflikt und was Europa daraus lernen kann. Berlin, 2005. S. 67.

¹² Woodward S. Balkan Tragedy, Chaos and Dissolution After the Cold War, Washington 1995. S. 39.

¹³ Речь идет о босняках и горанах.